

П. К. Сербин, и. о. проф.,
Житомирский пединститут

Тема поэта и поэзии в творчестве В. Маяковского и А. Твардовского

«В горной гряде русской советской поэзии после Маяковского,— пишет критик Ал. Михайлов,— высится пик Твардовского, который своими очертаниями отнюдь не напоминает пик предшественника... Эти действительно вершинные — каждый в своем времени и каждый надолго — явления в художественном развитии сильно отличаются друг от друга» [8, с. 224]. Однако их «размежевание» по признакам стиля, поэтики,— продолжает критик,— имеет «все-таки не самое решающее значение» [8, с. 225]. Авторы многих исследований отмечают типологическую общность произведений В. Маяковского и А. Твардовского [4; 5; 8; 9; 12]. С годами все более заметным становится то общее, что объединяет этих талантливейших советских поэтов с ярко выраженными особенностями индивидуального стиля*. В настоящей статье некоторые из этих особенностей рассматриваются на материале произведений о назначении поэзии и о задачах поэта. В стихотворениях на эту тему, написанных В. Маяковским и А. Твардовским, есть немало сходных мыслей, выраженных у каждого по-своему.

В. Маяковский утверждал народность и партийность поэзии, неразрывно связанной с борьбой за построение коммунистического общества. Стали крылатыми его слова: «Поэтом не быть мне бы, если б не это пел — в звездах пятиконечных небо безмерного свода РКП» [7, т. 2, с. 34], «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс» [7, т. 6, с. 249] и др. О служении родному народу как о главной цели своей жизни не раз говорил и А. Твардовский. Об этом свидетельствует и вся его творческая практика. Произведения А. Твардовского отражают самые важные события в истории нашей страны.

Для образной системы В. Маяковского характерны масштабность, гиперболизм. Он обращается ко всему «атакующему классу», стремится говорить «векам, истории и мирозданию». Одной из особенностей индивидуальной манеры В. Маяковского являет-

---

* В «Краткой литературной энциклопедии» есть интересное замечание: «...для современников каждой художественной эпохи очевиднее индивидуальные различия стилей, чем их «нормативное» единство, для потомков — наоборот» [6, т. 7, с. 190].

ся, в частности, полемический тон его произведений. Это объясняется не только темпераментом поэта, но и обстановкой 20-х годов, когда в литературе не прекращалась классовая борьба, когда имела место тенденция писать стихотворения, далекие от политики, от общественной жизни.

В иной манере писал А. Твардовский о преданности советской Родине: «Я счастлив жить, служить отчизне, я за нее ходил на бой» [11, т. 3, с. 242], «Спасибо, Родина, за счастье с тобою быть в пути твоём» [11, т. 3, с. 316]. Обращаясь к Отчизне, он признается: «Я, может, скупо применяю слова мои к делам твоим» [11, т. 3, с. 144]. Поэт не пользуется, по его мнению, высокими торжественными словами, которыми можно было бы воспеть грандиозные дела родной страны. Это особенность индивидуального стиля А. Твардовского (ср. у В. Маяковского: «Вы чуете слово — пролетариат? — ему грандиозное надо» [7, т. 6, с. 206]). Большинство стихотворений А. Твардовского воспринимается как задушевный разговор с собеседником, «читателем-другом».

В. Маяковский был рад «причаститься великому чувству по имени — класс», был счастлив, что он «этой силы частица» (то есть частица «громады класса»). Себя он называл «агитатором», «главарем» и в то же время «ассенизатором и водовозом». Свое представление о взаимоотношениях поэта с народом В. Маяковский выразил в афористической формуле: «Я народа водитель и одновременно — народный слуга» [7, т. 7, с. 123].

В произведениях А. Твардовского советский народ выступает не в обобщенном образе всего «громады-класса», а как конкретные люди, окружающие поэта, с которыми он повседневно встречается, делит свои радости и горести. Еще в самом начале творческого пути А. Твардовский старался писать о том, что интересно не только для него, но и для людей, среди которых он живет [11, т. 1, с. 22]. А. Твардовский как будто не считает вправе называть себя «водителем народа». Однако у него нет и жертвенного отношения к людям: «И не скажу, что сердце выну: ему на месте быть добро» [11, т. 3, с. 253] (ср. у В. Маяковского: «душу вытащу», «вылизывал чахоткины плевки» и др.).

В. Маяковский жил тогда, когда только начинались первые социалистические стройки, и видел, как в мирном труде у передовых людей проявлялась «баррикадная энергия» и «перекопский энтузиазм». У поэта вызывали восторг эти «застрельщики» — люди «невиданных взлетов, энергий и светов», не жалевшие себя ради достижения высоких целей. А. Твардовский создавал произведения в те годы, когда в Стране Советов утвердилось морально-политическое единство народа, а подвиги — трудовые и потом боевые — становились повседневным явлением. Очевидно, поэту не было уже необходимости, как в свое время В. Маяковскому, звать за собой: «Пролетарий, сюда!» [7, т. 7, с. 131]. Быть частицей своего народа идти вместе с ним к намеченной цели, делать то, что делают и другие советские люди — это А. Твардовский считал не подвигом, а естественным состоянием подлинно народного поэта. О том, как живут окружающие его люди, а

вместе с тем и вся страна, А. Твардовский пишет без восторженных слов, просто, как о будничных делах.

В. Маяковский отстаивал активную роль поэта в строительстве коммунизма. «Надо жизнь сначала переделать, переделав — можно воспевать» [7, т. 77, с. 104], «В наше время тот — поэт, тот — писатель, кто полезен» [7, т. 10, с. 113] и т. д. А. Твардовский в иной форме говорил о мирской миссии поэта в обществе, об ответственности его за все, что происходит в мире, о пользе, которую он должен приносить людям. Поэт будет держать ответ перед потомками за все допущенные ошибки, «его к суровому ответу особый вытребует суд» [11, т. 3, с. 316]. И сам А. Твардовский готов предстать перед таким судом: «Я жил, я был — за все на свете я отвечаю головой» [11, т. 3, с. 316].

Свою музу А. Твардовский называет «уживчивой» и хочет, чтобы она, прописанная «по всему Советскому Союзу», вызывала улыбки, чтобы о ней люди с любовью говорили: «Здесь живет. А как же без нее?» [11, т. 3, с. 59]. Такое представление о значении поэзии в жизни народа близко к тому, что выразил В. Маяковский, сравнивая стихи с водопроводом, который необходим для людей на многие века (вступление к поэме «Во весь голос»).

В борьбе за счастье «товарищей потомков» В. Маяковский готов был наступать «на горло собственной песне», отказываться от всего личного, что не связано с борьбой. И А. Твардовский, размышляя о характере своего творчества, убеждается в том, что он не смог бы жить «солсвьем-одиночкой»:

Сердце иному причастно всецело,
Словно с рожденья кому подражен
Братся с душой за нелегкое дело,
Биться, беситься и лезть на рожон

[11, т. 3, с. 129].

В этих стихах, непохожих по своему звучанию на стихи В. Маяковского, содержится такое же, как и у В. Маяковского, стремление к постоянной борьбе против всего, что мешает движению к «коммунистической далекости». Стихотворение «Жить бы мне век солсвьем-одиночкой...» можно считать одним из программных произведений А. Твардовского. Но этим одним поэт не может ограничиться. Ему нужна и родная природа со всеми ее богатствами и красотой, и воспоминания детских лет: «Просто — мне дорого все, что и людям, все, что мне дорого, то и пою» [11, т. 3, с. 129]. Полноту и многогранность жизни людей А. Твардовский рассматривает как источник поэтического творчества: «Нет, жизнь меня не обделила, добром своим не обошла» [11, т. 3, с. 254]. А. Твардовскому не было необходимости наступать «на горло собственной песне», что соответствовало максималистским настроениям 20-х годов. Тогда, как писал А. Воронский, «личность ушла в борьбу, напитала и напоила себя социальностью, подавила, отодвинула на задний план узкоиндивидуальное...» [3, с. 331].

С годами все больший интерес стал вызывать внутренний мир человека. Этим можно объяснить часть различий между произ-

ведениями А. Твардовского и В. Маяковского. А. Твардовский чувствует себя постоянно в долгу перед людьми, и эта «задолженность» его «преследует жестоко». Такие мысли были и у В. Маяковского: «Поэт всегда должник вселенной» [7, т. 7, с. 125].

Можно заметить у обоих поэтов различные оттенки в выражении общего для них чувства долга перед читателями. В. Маяковский говорит о вселенной и о родном Багдади, о далекой Японии, где он не успел побывать, и о Советской Украине, о которой написал слишком мало. Здесь видна масштабность, характерная для стиля Маяковского-поэта. У А. Твардовского человечество, которому «задолжал» поэт, представлено не в грандиозном образе вселенной, а в виде окружающих его людей, от которых он взял «тепло», «добро», «участье». Боязнь остаться «должником» особенно обостряется у человека, который прожил немалые годы и замечает, что он уже «свое оттопал» («А вдруг сквитаться не смогу за все, что было взято!») [11, т. 3, с. 76].

В. Маяковский писал: «Товарищ жизнь, давай быстрее протопаем, протопаем по пятилетке дней остаток» [7, т. 10, с. 284]. У А. Твардовского есть много стихотворений, в которых он размышляет о том, как нужно прожить оставшиеся дни, как использовать отпущенные ему «жесткие строки» [11, т. 3, с. 65]. Многие строки А. Твардовского о любви к своему делу поучительны, дидактичны в лучшем смысле этого слова.

Лучшая награда поэту за его упорный труд — не «мелочный успех» и не «славы тлен», а подлинная удача. О настоящей радости поэта, о бескорыстии его труда А. Твардовский убедительно пишет в стихотворении «Стой, говорю: всему помеха...»:

Прочь этот прах, расчет порочный,
Не надо платы никакой —
Ни той, посмертной, ни построчной, —
А только б сладить со строкой
[11, т. 3, с. 179].

В. Маяковский говорил о бескорыстии своей работы: «Мне и рубля не накопили строчки...» [7, т. 10, с. 284]. С полемической резкостью он выступал против славы: «Мне наплевать на бронзы многопудье, мне наплевать на мраморную слизь» [7, т. 10, с. 284], называя подлинным памятником «построенный в боях социализм». Оправданием жизни поэта должны явиться сто томов его «партийных книжек». Такие же мысли высказывает и А. Твардовский, но он пользуется иными средствами, отмечая не конечный общий результат своего труда, а лишь некоторые его составляемые — отдельные удачные строчки, которые радуют и поэта, и читателя.

И В. Маяковский, и А. Твардовский, бескорыстно отдававшие «всю свою звонкую силу» народу, вели борьбу за высокое качество поэтического труда. В. Маяковский неоднократно говорил о необходимости тщательной «обработки» стиха. «Нельзя придавать выделке так называемой технической обработке, самодовлеющую ценность. Но именно эта выделка делает поэтическое произведе-

ние годным к употреблению» [7, т. 12, с. 117]. Стали хрестоматийными афористические строчки В. Маяковского: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды» [7, т. 7, с. 121]. С присущей ему страстью поэт обрушивался на «четырёхэтажную халтуру». Авторам бессодержательных стихотворений он называл «лирическими кастратами», «болоночьими лириками». В. Маяковский, творивший в 20-е годы, много сделал для того, чтобы увести поэзию «из барских садоводств», узкоинтимных тем и повернуть ее на путь гражданственности.

В 40—50-е годы, когда стихи о поэзии писал А. Твардовский, уже не было надобности доказывать, насколько необходима гражданственность поэзии. Вызывало тревогу другое: актуальность тематики нередко приводила к появлению скороспелых произведений. Против них направлено стихотворение А. Твардовского «Слово о словах». Больше всего возмущает поэта «краснословье», «пустой трезвон», слова, повторяемые «всуге»: «слова-труха, слова-утиль». А. Твардовский полемизирует с теми, кто считает достаточным кое-как написать «дежурную оду», лишь бы она попала к определенному числу календаря.

«Дежурные оды» неприемлемы были и для В. Маяковского. Он считал, что каждая тема должна пройти через сердце поэта. О дорогих для советского человека понятиях — революция, партия, Отечество, пролетариат — ему хотелось говорить, «не в колокол названивая». Решительно протестовал В. Маяковский против попыток навязывать поэту извне какие бы то ни было темы, лозунги, задания. «Лицом к деревне» — задание дано, — за гусли, поэты-други! Поймите ж — лицо у меня одно — оно лицо, а не флюгер» [7, т. 6, с. 207]. Сочинение «дежурных од» — одна из тенденций, которые оказывали отрицательное влияние на развитие советской поэзии 40—50-х годов. А. Твардовский реагировал на нее не только стихотворением «Слово о словах», но всем творчеством. Его «Слово о словах» не инвектива, обращенная к другим, а серьезные раздумья поэта о своем нелегком ремесле. То же можно сказать и о стихотворении «Собратьям по перу»: «Верно, горшки обжигают не боги, но обжигают их мастера!» [11, т. 3, с. 115].

Представляют интерес стихи о критике и критиках, написанные В. Маяковским и А. Твардовским. Отстаивая общественно-полезную поэзию, В. Маяковский полемизировал с теми, кто критиковал его с позиций «чистого искусства»: «Знаю, лирик скривится горько, критик ринется хлыстиком выстегивать:— А где ж душа?! Да это ж — риторика! Поэзия где ж? Одна публицистика!» [7, т. 6, с. 248—249]. Обращение к воображаемому оппоненту — профессору с очками-велосипедом — это спор с теми, кто не желает замечать главного в поэзии «агитатора, горлана-главаря» (вступление к поэме «Во весь голос»).

Партия и советская общественность в свое время осудили «тон литературной команды», «некомпетентное административное вмешательство в литературные дела» [10, с. 83, с. 84], вульгарное представление о художественном творчестве. Однако и в после-

дующие годы имели место попытки отдельных критиков, считавших вправе навязывать писателям свои вкусы. Вполне понятно то раздражение, которое чувствуется в стихотворениях А. Твардовского о критиках: «Все учить вы меня норовите» [11, т. 3, с. 86].

На XXII съезде КПСС А. Твардовский говорил: «Да, недостаток многих наших книг — прежде всего недостаток правды жизни, авторская оглядка...» [11, т. 5, с. 355]. Партия выражает доверие писателям, творческим союзам [см.: 2, с. 62]. А. Твардовский заявлял: «Я сам дознаюсь, доищусь до всех моих просчетов» [11, т. 3, с. 184]. Актуальны и сегодня слова А. Твардовского о вреде иллюстративности в литературе, произнесенные на XXII съезде КПСС: «...если писатель берет готовую идею из газетной передовой или даже из партийного документа и только расцвечивает ее «средствами художественного оформления», то он, в сущности, не дает никакого прибýtка,— это почти то же, что выполнять план молокопоставок маслом, купленным в магазине» [11, т. 5, с. 357].

Полемика В. Маяковского и А. Твардовского с критиками — это не сведение личных счетов и не проявление групповщины, а принципиальный, заинтересованный разговор о важнейших проблемах развития советской литературы.

Сопоставляя стихотворения В. Маяковского и А. Твардовского, можно увидеть типологическую общность и вместе с тем различие индивидуальных стилей поэтов в рамках одного творческого метода — социалистического реализма. В. И. Ленин говорил, что при осуществлении принципа партийности литературы «необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию» [1, т. 12, с. 101]. Одним из убедительных доказательств справедливости этой ленинской мысли является творчество В. Маяковского и А. Твардовского — двух крупнейших советских поэтов разных стилевых направлений.

Список литературы: 1. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература.— Полн. собр. соч. 2. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. 223 с. 3. *Воронский А.* Литературно-критические статьи. М., 1963. 423 с. 4. *Деметьев А.* В наших генах.— Лит. учеба, 1983, № 3, с. 101—104. 5. *Денисова И.* Традиции Маяковского в современной поэзии. М., 1968. 47 с. 6. Краткая литературная энциклопедия. М., 1962—1978. 7. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1955—1961. 8. *Михайлов Ал.* «Я к вам приду...» Наследие поэта и современная русская поэзия.— Новый мир, 1983, № 7, с. 224—237. 9. *Пицкель Ф. Н.* Лирический эпос Маяковского. М., 1964, 196 с. 10. Русская советская литературная критика (1917—1934). Хрестоматия. М., 1981. 447 с. 11. *Твардовский А. Т.* Собр. соч. В 6-ти т. М., 1978—1983. 12. *Ушаков А.* Живые традиции (опыт Маяковского и развитие современной советской поэзии).— В кн.: Маяковский и современность. М., 1977, с. 235—247.

Статья поступила в редколлегию 20.03.83